

Научная статья
УДК 82-1
doi: 10.17223/15617793/479/2

Петербургский текст и петербургский миф русской литературы в историософских произведениях М.А. Волошина

Анастасия Станиславовна Аристова (Тинникова)¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, atinnikova@bk.ru*

Аннотация. В историософских произведениях М. Волошина значимое место занимает петербургский период русской истории, здесь несомненна опора на петербургский текст русской литературы и любопытные переключки с размышлениями о Петербурге и России французского писателя Ж. де Местра. В статье освещаются основные черты петербургского текста и его роль в произведениях Волошина о войне и революции. Автор приходит к выводу, что в изображении Петербурга как мрачного, демонического города, а его создателя – как антихриста и безумного Демиурга, Волошин близок староверческому изводу петербургского текста.

Ключевые слова: петербургский текст, петербургский миф, Медный всадник, литературная традиция, Китеж, Петроград, Ж. де Местр

Для цитирования: Аристова (Тинникова) А.С. Петербургский текст и петербургский миф русской литературы в историософских произведениях М.А. Волошина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 21–32. doi: 10.17223/15617793/479/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/2

The Petersburg text and the Petersburg myth of Russian literature in historiosophical works of Maximilian Voloshin

Anastasia S. Aristova (Tinnikova)¹

¹ *Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, atinnikova@bk.ru*

Abstract. In Mikhail Voloshin's historiosophical works created during the First World War, the Revolution and the Civil War, the spatial triad "Kitezh – Petersburg – Petrograd" clearly stands out. This triad vividly expresses historiosophical views of the poet, marks Russia's historical way. The themes and images connected with St. Petersburg are dominant in the triad. Comprehending the imperial period of Russian history, Voloshin refers to themes that are traditional for Russian literature and characteristic of the Petersburg text. The article discusses the main features of the Petersburg text and the Petersburg myth, and also reveals what continuation and historiosophical significance the established literary tradition of portraying St. Petersburg received in Voloshin's works about war and revolution. The author comes to the conclusion that Voloshin, portraying St. Petersburg as a dark, demonic, ghostly city and his Creator as an antichrist and insane Demiurge, is close to the Old Believers' version of the Petersburg text. In line with the same Old Believers' tradition, reference to the image of Kitezh is also natural. Voloshin understands Kitezh as a spiritual category (not a real historical space), as the ideal image that exists in God's plan and which Russia should follow at the end of time in order to accomplish the ultimate goal of the historical process. As a spiritual category Kitezh is opposed to the ghostly and demonic Petersburg, which is the creation of the insane Demiurge, and then the evil, raging Petrograd. According to the author of the article, the antithesis "Kitezh – Petersburg/Petrograd" clearly represents the motif of dark captivity of matter and the light languishing in a dungeon; this is a recurrent motif for Voloshin's works of those years. The opposition of the Face and the mask afflicting it is characteristic of the myth about Sophia (wisdom). Thus, a sophiological plot about the Soul of the World, languishing in captivity, appears. The legend about Kitezh is read in the Sophia key. The opposition of the captivity of matter and the Soul of the World is superimposed on the antithesis "Kitezh – Petersburg/Petrograd", which is classical for Russian literature. Obviously, Voloshin, portraying the dark side of St. Petersburg, relies not only on Pushkin's "The Bronze Horseman", but also on other texts of the 19th century. The fogs, haze, artificial and deliberate spirit of St. Petersburg, ghostly "manic" ideas that infect people become a "common place" in Gogol's *Petersburg Stories*, in Dostoevsky's and Bely's novels, and in other works of Russian literature. It is impossible to establish genetic succession with specific texts because classical works of the Russian literature, in which traditional images of St. Petersburg and its creator were shaped, are introduced as a general background perceived as "one text".

Keywords: Petersburg text, Petersburg myth, "The Bronze Horseman", literary tradition, Kitezh, Petrograd, Joseph de Maistre

For citation: Aristova (Tinnikova), A.S. (2022) The Petersburg text and the Petersburg myth of Russian literature in historiographical works of Maximilian Voloshin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 21–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/2

Петербургский текст и петербургский миф занимают важное место в литературе Серебряного века. Осмысляя события русской истории, писатели-символисты нередко используют устоявшиеся в классических произведениях русской литературы темы и образы, в которых сформировался устойчивый образ Петербурга и его создателя. Как отмечала З.Г. Минц, именно символисты из классических произведений русской литературы о Петербурге создают «единый текст», превращая «пестрое наследие XIX века» в петербургский текст». Импульс, заложенный символистами, ярко проявляется в произведениях 1910-х гг., уже больше тяготеющих к постсимволизму, но сохранивших глубокое преемство от символизма: романах Б. Пильняка, А.М. Ремизова, К. Вагинова, поэзии С. Есенина, Н. Клюева и др. Тема Петербурга и его создателя является одной из ведущих и в историософских произведениях М.А. Волошина, написанных во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, где отчетливо прослеживается пространственная триада «Китеж – Петербург / Петроград», являющаяся выражением историософских воззрений поэта, знаменующая исторические пути России. Доминирующей в этой триаде являются темы и образы, связанные с Петербургом. Осмысливая имперский период русской истории, Волошин обращается к устойчивым в русской литературе темам, характерным для петербургского текста.

«Судьба империи в двойной борьбе...»: антиномичность реалий Петербурга и петербургской империи

Как отмечает Л. Долгополов, с момента основания города в сознании народа укрепилось два мифа о происхождении и судьбе Петербурга: официально-художественный и староверческий. Согласно первому «силы, вызвавшие Петербург к жизни, имеют божественный характер; это провидение в своих благих намерениях одарило россиян городом, с которым отныне связывается представление о славе Отечества» [1. С. 151]. Согласно второму «силы, вызвавшие Петербург к жизни, интерпретируются как проявление зла, как силы губительные по отношению к национальному началу и, следовательно, антинародные и антибожеские» [1. С. 151], а сам Петр в народных преданиях, как было отмечено Е.Ф. Шмурло, воспринимается как антихрист, подмененный царь, город же, основанный им, – ненастоящий, призрачный, нерусский [2. С. 37]. Староверческий извод петербургского мифа сопровождают пророчества о неминуемой гибели города, над которым тяготет проклятие царицы Евдокии Лопухиной, предрекнутой: месту сему «быть пусты». А.С. Пушкин в поэме «Медный всадник» воссоздает образ Петербурга, объединяющий обе традиции. С од-

ной стороны, Петербург предстает как величественный, строгий и стройный город, олицетворяющий славу и величие России. С другой – как город, построенный в результате порабощения стихии, которая, не забыв «вражду и плен старинный свой», мстит своему поработителю – человеку [3. С. 259–367]. В старообрядческой литературе «антихристову» Петербургу, петровскому парадизу, противопоставлялся иной град – светлый и праведный Китеж, скрытый на дне озера Светлояр, долженствующий явиться в конце времен и стать обителью праведников.

В русской литературе после «Медного всадника» Пушкина укоренился миф о гибели города в результате буйства разыгравшейся водной стихии, Петербург становится олицетворением борьбы противоборствующих начал: порядка и хаоса, стихии и умиротворяющих ее сил.

Осмысляя имперский период русской истории, Волошин обращается к образу Петербурга как города, который отражает характер и основные черты всей России. Произведением, вобравшим в себя основные темы петербургского текста, становится стихотворение «Петербург» (1915), вошедшее в состав книги «Anno mundi ardentis» (1915) и являющееся реакцией на переименование города в начале Первой мировой войны. Приведем текст этого стихотворения полностью:

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь край мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:
«Люблю сей град, открытый зимним пургам,

На тонях вод, закованных в гранит.
Он создан был безумным Демидургом.
Вон конь его и змей между копыт:
Конь змею – «сгинь!», а змей в ответ: «gesurgam».

Судьба Империи в двойной борьбе:
Здесь бунт – там строй; здесь бред – там клич
судьбе.
Но вот сто лет в стране цветут Рифейской
Ликеев мирт и строгий лавр палестр». И, глядя вверх на шпиль Адмиралтейский,
Сказал другой: «Вы правы, граф де Местр»
[4. Т. 2. С. 417].

Составители собрания сочинений сопровождают стихотворение развернутым комментарием, где представляют его как текст, ставший своего рода квинтэссенцией мифа о Петербурге, складывавшегося в течение двух столетий [4. Т. 2. С. 702]. Анализ этого стихотворения Волошина посвящены статьи Г.В. Петровой «К анализу стихотворения М. Волошина “Петербург” (1915)» [5. С. 177–184] и «Художественные аллюзии в книге стихов М.А. Волошина “Anno mundi ardentis 1915”» [6. С. 175–193]. Автор статей так же, как и составители собрания сочинений, отмечает, что «в

поэтической образности стихотворение действительно следует уже устойчивой традиции литературного (и шире, художественного) изображения Петербурга, впоследствии прекрасно описанной и интерпретированной В.Н. Топоровым» [6. С. 177], Петербург предстает здесь как город антиномий, как место борьбы противоположных начал [6. С. 177–178].

Стихотворение строится как беседа двоих, плывущих в челне петербургской ночью и размышляющих о судьбе города. Финальные строки указывают, что одним из героев стихотворения является Жозеф де Местр, посланник Сардинии в Санкт-Петербурге в 1802–1817 гг., автор книги философских диалогов «Санкт-Петербургские вечера» (1821). Известно, что этой книгой Волошин пользовался при написании стихотворения. В письме к матери от 3 мая 1915 г. поэт сообщал: «Ты вероятно, совсем не помнишь “Les soirées de St. Petersburg” Жозефа де Местра. Если ты их не читала, то прочти <...> Де Местр – гениальный писатель, и из русских его можно приравнять к Вл. Соловьеву и Леонтьеву, хотя он совсем иной» [4. Т. 10. С. 332]. Содержание «Петербург» частично вобрало содержание первой беседы «Санкт-Петербургских вечеров», которая также завязывается ночью между плывущими в лодке по Неве спутниками, и финального заключительного наброска книги. Тема исторической судьбы России не является основным предметом рассуждений «Санкт-Петербургских вечеров», в книге обсуждаются общие философско-религиозные темы: вопросы противоречия религии науке, почему страдают праведники, грядет ли объединение церквей и проч. Русские темы выступают лишь обрамляющим фоном. В начале первой беседы автор диалогов, плывущий по ночной Неве, замечает высящуюся на берегу статую Петра, который описывается как могучий Демиург, вызвавший своей властью из небытия в месте гиблом прекрасный город; знаменательно, что фигура Петра оценивается неоднозначно: «На берегу Невы, на краю громадной Исаакиевской площади высится конная статуя Петра I. <...> Все, что слышит ухо, все, что на великолепной этой сцене созерцает глаз, существует лишь благодаря решению того могучего ума, который повелел подняться из болот стольким пышным зданием. На этих унылых берегах, откуда, казалось бы, сама природа изгнала всякую жизнь, заложил Петр свою столицу и создал себе подданных. *Страшная* его десница и поныне простерта над головами их потомков, теснящихся вокруг царственного монумента – *и не постичь, глядя на эту бронзовую длань, грозит она или защищает (здесь и далее в цитатах курсив мой. – А.А.)*» [7. С. 7–8]. Заложённая в статуе двойной борьбы, выражением которой служит противостояние всадника и попираемого им змея, остается вне внимания автора «Вечеров». Петербург представляется его взором не как город антиномий, а как прекрасная, пышная столица. О противоречивости же российских реалий говорится лишь в заключительном наброске «Вечеров» вне привязки к особенностям города: «До последнего вздоха я буду помнить Россию и возносить за нее молитвы. <...> Но что же будет с вами посреди

этого всеобщего потрясения умов? *солятся ли во едино многочисленные и разнородные стихи*, пришедшие у вас в соприкосновение за столь короткое время? Слепая вера, грубая обрядность, философские теории, иллюминизм, дух свободы, нерассуждающая покорность; изба и дворец, утонченная роскошь и дикая суровость – во что превратятся эти несогласные элементы...?» [7. С. 606]. Волошин же, опираясь на сложившийся в русской литературе «петербургский текст», делает Петербург городом, отражающим антиномичность российских реалий, вкладывая в уста графа де Местра основные положения уже устоявшегося в русской культуре мифа о Петербурге: изображенное в знаменитой конной скульптуре противостояние Медного всадника и попираемого им Змея, по мнению собеседников, олицетворяет двойную борьбу, характерную как для города, так и для империи в целом: бунта и строя. В городе за сто лет существования утвердился порядок, восторжествовавший над «бунтом», но эта победа не окончательна, борьба продолжается, отчего смутно возникает вопрос: что одержит вверх в будущем?

Отсылка к книге философских диалогов Ж. де Местра указывает, что действие происходит в начале XIX в. Отсюда возникает вопрос, почему, посвятив стихотворение на злобу дня переименованию Петербурга в Петроград в начале Первой мировой войны, Волошин переносит действие на сто лет назад, в начало XIX в.? Из слов героя стихотворения, графа де Местра, следует, что от времени существования Петербурга победа неизменно была на стороне Медного всадника, а не Змея, имперский строй подавлял бунт: «Но вот сто лет в стране цветут Рифейской / Ликеев мирт и строгий лавр палестр». Используемые в стихотворении эмблематические образы передают антиномичность петербургских реалий. Россия названа «страной Рифейской», Рифейскими горами в Древней Греции принято было именовать северные границы Скифии [8. С. 298]¹, в историко-географической традиции эти горы иногда отождествляют с Уралом [9. С. 1156]. Таким образом, эпитет «Рифейский» определяет Россию как северную, дикую страну. Однако в северной стране обрели жизнь реалии южной Греции: сочетание «ликеев мирт» отсылает к учрежденному Аристотелем Лицею, «строгий лавр палестр» – к палестрам, школам Древней Греции, где обучали гимнастике. Сочетания, отсылающие к реалиям Древней Греции, указывают, что в некогда дикой, по представлениям древних греков, стране крайнего севера насаждено просвещение и наука в духе греческих школ, а также военная строгость и дисциплина, как в гимнастических палестрах. Доказательством победы строя над бунтом в стихотворении служит победно возвышающийся над городом Адмиралтейский шпиль: «И, глядя вверх на шпиль Адмиралтейский, / Сказал другой: “Вы правы, граф де Местр”». Думается, Волошин не случайно временем размышлений о судьбе города избирает начало XIX в. и таким образом словно ставит читателя перед надвигающимися историческими событиями, показавшими, что победа имперского строя и Медного всадника не столь безусловна, силы бунта

еще не раз восстанут поколебать и сокрушить существующий порядок. Это и наводнение 7 (19) ноября 1824 г., «Божия стихия», с которой, как показывает пушкинская поэма, «царям не совладать», и восстание декабристов на Сенатской площади, и убийство Александра II, олицетворяющего имперскую власть Медного всадника. События XIX в., следовавшие после разговора темной петербургской ночью, показывают, что борьба не окончена и исход ее не определен. Отсюда закономерно возникает вопрос: преддверием к чему служит новое имя города?

Характерная для Петербурга борьба двух начал осмысливается Волошиным как специфика русской истории: «Судьба Империи в двойной борьбе: / Здесь бунт – там строй; здесь бред – там клич судьбе». Противостояние поработанной природной стихии и поработивших ее гранитных оков, характерное для Петербурга, осмысливается как противоборство безудержной народной стихии и оковавшей ее имперской власти, характерное для России в целом. Заданная здесь тема «двойной борьбы» как особенность русской истории находит выражение в стихотворениях Волошина, внешне, казалось бы, не связанных с петербургским текстом: «Северо-восток» и «Дикое Поле», где одной из главных тем является борьба безудержной стихии народной воли со сдерживающей ее властью, что выражается в образах ветра и раздольных степных просторов, которые противопоставляются «московским тугим благолепьям». Своенравные, беспокойные, рвущиеся на свободу волны Невы равнозначны широким вольным степям, по которым гуляет непокорный ветер. Стихийные природные силы, олицетворяющие безудержную народную волю. Таким образом, Петербург, для которого характерно противостояние волн и гранитных ограждений, становится городом, иллюстрирующим явления, характерные для всей России: не только России болот, но и России степных просторов. Поэтому петербургская тема у Волошина нерасторжимо связана с темой исторических путей и судеб России, используется как иллюстрация имперского периода русской истории.

Петр назван в стихотворении «безумным Демиургом». Понимание «Демиурга» как злого и неразумного творца отсылает к философии гностицизма. Согласно учению античного философа II в. Валентина, Демиург был создан падшей Софией-Ахамот и, будучи ограничен пределами душевного бытия, был неспособен понять «духовное», а потому не обладал знанием истинной природы вещей: создавая, он сам не ведал того, что творил, и постоянно ошибался. Демиург считает себя единственным богом и творцом видимого мира, в действительности же его действия направляются его матерью Ахамот [10. С. 37–376; 11. С. 617; 12]. Таким образом, в свете гностической философии именуемый в стихотворении безумным Демиургом Петр, который считает себя властным устройтелем государства и работодителем природных стихий, на самом деле является проводником злой воли, ему не ведомой. По своему волевозвал он к жизни город в месте гиблом и топком, не предназначенном для обитания людей. Появив-

шись, творение становится неуправляемым, не подчиняется воле своего Создателя, который уже не в силах отратить тяготеющий над городом рок. Именование Петра Демиургом обнаруживает сходство со стихотворением Вяч. Иванова «Ответ Бальмонту», посвященным переименованию города из Петербурга в Петроград, которое, правда, было написано несколько позже стихотворения Волошина:

Ответ Бальмонту

Любезен превращений маскарад
Для бога, посвященного и змия.
Слыл остров Делос древле: Астерия;
И Павлом Савл именоваться рад.

И Римом Троя. Будет наш «Царьград» –
Константинополь; он же – Византия.
И хочет обновленная Россия
Славянским звуком славить «Петроград».

<...>

Чем опоил нас из голландских пинт
Наш медный Демиург? Но в Петербурге
Околдовал туманом лабиринт
Живую душу. Patria, resurge! (1 июня 1915) [13. С. 39].

Этим стихотворениям вторит и сонет В.Я. Брюсова «Петербург – Петроград – Петрополь» с припиской: «В ответ К. Бальмонту и Вяч. Иванову. 31 мая 1915»:

Верша пред миром подвиг демиурга,
В Россию Петр преобразил Москву.

<...>

<...> в грезу наяву
Он обратил пустынную Неву,
Над ней прозрев громады Петербурга.

<...>

Нет! чужды чуду, вставшему из блат,
Голландский «Питер» как и русский «град»,
Ему к лицу – всемирное «Петрополь»! [14. С. 189].

Причиной написания всех трех стихотворений послужило переименование города. «Петербург» Волошин сопровождает припиской: «Написано в состязании с Бальмонтом в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» [5. С. 179]. Петербург был переименован в Петроград 1 августа 1914 г. по высочайшему повелению Николая II «Об именовании впредь города Санкт-Петербурга – Петроградом», что явилось следствием антинемецких настроений в русском обществе, которые были так велики, что принимали порой стихийно-разрушительные обороты: было разгромлено немецкое посольство на Исаакиевской площади, побиты стекла в магазинах германских и австрийских поданных, закрыты немецкие газеты. Но если Вяч. Иванов переименование города принимает как начало обновления России и избавление от призрачных туманов и марев Петербурга, то Волошин к смене имени города относится глубоко отрицательно. В письме к Ю.Л. Оболенской от 10(23)–12(25) января 1915 г. поэт пишет: «Петрограда я не принимаю. Зачем оби-

жать Петра и голландцев? Что за варварство топтать исторические имена!? <...> Что может быть уместно как шутивная вольность пушкинского² стиха, совершенно не приемлемо как исторический факт» [4. Т. 10. С. 292]. Пытаясь сохранить прежнее имя города как историческую ценность, Волошин сознательно строки стихотворения рифмует словами, оканчивающимися на -ург, об этом приеме он пишет в письме А.М. Петровой от 13 (26) октября 1915: «А рифмы – в этом-то задача и заключалась, чтобы написать сонет с безвыходными рифмами на “Петербург”, чтобы его никак уже нельзя было переименовать в Петроград» [4. Т. 10. С. 449–450].

Стихотворения Волошина, Вяч. Иванова и Брюсова имеют сонетную форму и являются, в свою очередь, ответом на сонет Бальмонта, написанный в первый год мировой войны, который также был посвящен переименованию Петербурга, однако, как указывают исследователи [5, 15], не сохранился. Таким образом, произведения являются «ответными сонетами». О поэтическом мастерстве, технических аспектах стиха и жанровых разновидностях стихотворных форм говорилось в четвертом сезоне собраний на Башне Вяч. Иванова зимой и весной 1909 г., курс о стихе был прочитан по просьбе Н.С. Гумилева и О.Э. Мандельштама. Как отмечает А.Б. Шишкин, использование поэтами в этот период многих сонетных форм связано именно с башенными занятиями [15. С. 229]. Известно, что об «ответном сонете» говорилось на заседании Академии стиха 29 апреля, однако что именно было сказано, вынести трудно, поскольку сохранившиеся лекции неполны и отрывочны [15. С. 233], в истории же литературы «ответным сонетом» принято называть ответ одного поэта на сонет другого с использованием тех же рифм.

Волошин был одним из первых, кто написал ответный сонет Бальмонту в феврале 1915 г. К слову Петербург им были найдены рифмы: пургам – Демиургом – resurgam. Использование этих рифм с целью сохранения в строгой сонетной форме старого имени города, как отмечает А. Шишкин, показывает, что «для поэта смысловая интенция опоясывающих рифмованных слов в катренах была неким магическим действием, призванным запечатлеть в сонетном слове два века славной истории Петербурга» [15. С. 237]. Вяч. Иванов и Брюсов написали ответные сонеты в мае 1915 г. Типы рифмовок всех трех сонетов отличаются друг от друга вопреки требованиям «ответного сонета», что становится следствием разнящихся взглядов на судьбу и назначение города: Волошин (ABBA BABA CCD EDE), Иванов (ABBA ABBA CDD CDD), Брюсов (ABBA ABBA CCD CCD). Вяч. Иванов в катренах рифмует: маскарад – рад – Царьград – Петроград и Астерия – Византия – Россия. Переименованию города он находит исторические аналогии: Троя была переименована в Рим, остров Астерия стал называться Делосом. Таким образом, Петербург ставится Ивановым в один ряд с мировыми городами: Троей, Римом и Константинополем. Рифмуя Петроград с Царьградом, Византию с Россией, поэт переносит идею монаха Филофея «Москва – третий Рим» с Москвы на Петербург. В брюсовском сонете Петербург

предстает как как город-чудо, появившийся по мановению Петра, как всемирное достояние, всечеловеческое же значение города, по мнению автора, не передают ни славянизированное именование «Петроград», ни голландское «Петербург», но лишь грецизированное «Петрополь».

Тема двойной борьбы и вопрос об исходе этой борьбы подспудно возникают лишь в сонете Волошина, в то время как у Брюсова и Иванова ведущей является тема всемирно-исторического значения города.

После революции 1917 г. Волошин связывает с Петербургом имперский период русской истории, с Петроградом же то, что последовало после его завершения. Однако Петроград вырос из Петербурга, революция же была подготовлена имперским строем государства. Отсюда назревает вопрос: какие черты российской империи, по мнению Волошина, породили большевиков, что общего между противниками? Для ответа на этот вопрос обратимся к тому, как раскрывается в творчестве Волошина петербургский, имперский, период русской истории.

Петербургские темы у Волошина постоянно сопровождает образ Петра – создателя российской империи, при этом реально-исторический образ Петра смыкается с поэтикой литературной и поэтикой реалей – пушкинским образом Медного всадника и фальконетовской конной статуей: царь-преобразователь именуется «Медным Петром», «Бронзовым Гигантом». Ключевой является мысль о радикальных преобразованиях, сопутствовавших появлению Российской империи, в стихотворении «Китеж» почти дословно используется пушкинская цитата: «О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?» [16. С. 297]:

Антихрист – Петр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
Наукам книжным обучал [4. Т. 1. С. 280].

Следуя устоявшейся славянофильской мысли, Волошин считает, что Петр искусственно оборвал естественный ход событий, остановил органическое развитие России, не дал следовать ей своим, особым путем – осуществить мессианское назначение примирения Востока и Запада. В стихотворении «Европа» (1918) Петр именуется «неистовым Хирургом» [4. Т. 1. С. 267], рождение же Петербурга сравнивается не с естественными родами, а с «кесаревым сечением», преждевременно сделанным нетерпеливым преобразователем:

И зачала и понесла во чреве
Русь – третий Рим – слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гнев
Собой восток и запад сопряжет!

Но, роковым охвачен нетерпеньем,
Всё исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства – Петербург [4. Т. 1. С. 267].

В поэме «Россия» (1924) Петербург уподобляется всей России, Петр сравнивается с неистовым дровосеком, срубающим лес для новых проспектов, не в мраморе, а в мясе высекающий «живую Галатею»:

Кровавый пар столбом стоит над Русью,
Топор Петра российский ломит бор
И вдаль ведёт проспекты страшных просек.
<...>

Не то мясник, а может быть, ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты
[4. Т. 1. С. 373].

Радикальность преобразований ставит Петра в один ряд с большевиками. Вспомним, что в приведенном в начале нашей статьи стихотворении Волошин упоминает о знаменитом контрреволюционере Ж. де Местре, противнике всяческих революций, известном своим неприятием западничества, а также неоднозначным отношением к роли Петра в российской истории. Упоминание имени Ж. де Местра, таким образом, определяет историософскую позицию автора стихотворения. Вся история России, начиная с времен Петра, по мнению Волошина, была революционной, только революция осуществлялась не снизу, а сверху. В лекции «Россия распятая» Волошин подчеркивает, что главной чертой русского самодержавия была его революционность: «... в России монархическая власть во все времена была радикальнее управляемого ею общества и всегда имела склонность производить революцию сверху, старалась административным путем перекинуть Россию на несколько столетий вперед, согласно идеалам прогресса своего времени, прибегая для этого к самым сильным насильственным мерам...» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 461]:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к её грядущим далям.
<...>

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций [4. Т. 1. С. 378].

Таким образом, Петербург становится оплотом революционного самодержавия. Уже само создание этого «стройного», «горячечного и триумфального города», «построенного на трупах, на костях», предвосхитило будущую народную революцию. В стихотворении «Предвестия» (1905) создание Петербурга выступает как предзнаменование будущих исторических катастроф, его появление уподобляется гудению «в храмах медных щитов» перед убийством Цезаря, разорванному «священному занавесу», когда Христос испустил дух на Голгофе:

Сознанье строгое есть в жестах Немезиды:
Умей читать условные черты:
Пред тем как сбьлись Мартовские Иды
Гудели в храмах медные щиты...

Священный занавес был в скинии распорот:
В часы Голгофы трепещет смутный мир...
О, бронзовый Гигант! ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени – факир
[4. Т. 1. С. 251].

Обращение к образу Медного всадника, отсылающее к поэме Пушкина, не случайно. Образ Медного всадника не раз возникнет в русской литературе XX в. при изображении исторических катаклизмов эпохи и часто будет сопряжен с образами революционеров. Так, например, в романе А. Белого «Петербург» Медный всадник называет Дудкина «сынок» [17. С. 230], герой-революционер, террорист, является как бы продолжателем дела Петра. Революция осмысливалась Волошиным как вырвавшаяся на волю стихия: «Верю в правоту верховных сил, / Расковавших древние стихии» [4. Т. 1. С. 348]. Стихия, вырвавшаяся на волю, является центром поэмы Пушкина «Медный всадник», представляет собой «ядро поэтического сюжета», описание наводнения «занимает треть стихотворного пространства в самом центре произведения», «Нева», «река», «волны» одушевляются. Действия их представлены как результат злой воли. Впечатления «поддерживают» оживляющие сравнения. Их целая цепь. Нева уподобляется беспокойному большому зверю, свирепой шайке, коню, прибежавшему с битвы...». В.Я. Брюсов в статье 1909 г. «Медный всадник» осмысливает наводнение в поэме Пушкина в революционном ключе, вводя «созданную им систему идеологического “шифра” и образную линию наводнения. Петр “Медного всадника”, считает он, воплощает идею самодержавия, наводнение – стихийный бунт массы, угроза Евгения “Кумиру” – мятеж, зреющий в душе мыслящего человека» [18. С. 88]. Образ Медного всадника возникает и в поэме «Россия», где говорится о «безумном лике медного Петра». Связанный с образом Медного всадника мотив безумия в поэме Пушкина был замечен также В. Ходасевичем, считавшим, что все петербургские повести Пушкина «растут из одного сюжета, все говорят о вмешательстве дьявола в жизнь обычных людей. Евгений видит “демонский” лик Петра: “Ему казалось, что царь над волнами высится как их глава, как страшный и неподвижный предводитель демонов... И не разберешь усмиряет ли демонов его простирая рука – или их возбуждает, ведет на приступ”» [18. С. 96]. В контексте «Медного всадника» стихия разрушительна, как бы она ни проявлялась. В буйстве Невы она бунтует против стеснительных оков «стройного» города. В буйстве Евгения – «против строителя чудотворного». С Медным всадником – против бедного безумца [18. С. 99]. Как было замечено В.С. Непомнящим, в начале поэмы неслучайно отмечается, что город был построен Петром «назло» («Здесь будет город заложен / *Назло* надменному соседу» [16. С. 285; 19. С. 121].

По мнению Волошина, революционное самодержавие, «воля медного Петра» были необходимы для того, чтобы сдерживать стихийность, разрушительный мятежный дух, свойственный русской нации. В лекции «Россия распятая» поэт называет «великую русскую равнину» «исконной страной бесноватости», поэтому:

Бакунину потребен Николай,
Как Петр – стрельцу, как Аввакуму – Никон (379).
...Вне воли медного Петра –
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра [4. Т. 1. С. 279].

Но «воля медного Петра» утрачивается с расстрелом царской семьи:

Расстреливают царскую семью
...Потом их жгут и зарывают пепел.
Всё кончено. Петровский замкнут круг [4. Т. 1. С. 373].

Свержение монархической власти ознаменовало конец петербургской империи, смену полюсов: революционное самодержавие сменилось народной революцией, имперский Петербург превратился в народный Петроград.

Петроград: «место всенародного бесовского шабаша»

Расстрел последней царской семьи снимет самодержавные оковы, в результате чего «распахивается дверь разрух» и «духи мерзости и блуда / Стремглав кидаются на зов» [4. Т. 1. С. 255]: «Суть в том, что древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом империи, сразу выступила из берегов, как только большевицкая пропаганда <...> обратилась с призывом к жадным, мрачным и разбойничьим сторонам русской души. Тогда из народной глубины поднялись страшные призраки XVI и XVII века, которых мы считали давно похороненными. Но оказалось, что они живы и переполнены сил, и что все это время они жили рядом с нами, задыхаясь под железными обручами, которыми их сковала Петербургская Империя» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 428]. Центром революции снизу становится Петроград. Происходящее Волошин сравнивает со зловещим спиритическим сеансом, когда в «пустоту державной воли ринулись Распутины, Илиодоры и их присные. Импровизированный спиритический сеанс завершился в стенах Зимнего Дворца всенародным бесовским шабашем семнадцатого года...» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 463]. Стихотворение, описывающее революционные события как всеобщее беснование, неслучайно названо новым именем города – «Петроград»:

Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом.
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод... [4. Т. 1. С. 255].

Образ пустого проема, через который хлынула «нежить», сходен с образом прорубленного Петром окна из поэмы «Медный всадник», однако это уже не окно в Европу, а пустая дыра, брешь. В. Непомнящий образ прорубленного в Европу окна пушкинской поэмы связывает с проемом, через который потом хлынут волны начавшегося наводнения, чтобы затопить город, обращая внимание на пушкинские слова «злые волны, / Как

воры, лезут в окна»: «Обратим внимание на мирный и тихий пейзаж, открывающий поэму (“Пред ним широко Река неслася” и т.д.); первые же слова монолога: “Отсель грозить мы будем... прорубить окно...” – словно взламывают его; в образовавшуюся брешь (не “окно” ли?) и хлынут затем “злые волны” (в самом деле: “злые волны, Как воры, лезут в *окна*”))» [19. С. 121].

«Зыбкий морок болот», туманы и марева Петербурга можно назвать «общим местом» петербургского текста, закрепившимся в произведениях русской литературы XIX в. Изображение города как фантастического, призрачного и иллюзорного, могущего растаять как дым, исчезнуть как греза, губительно воздействует и на его жителей: повергает в состояние горячки, бреда, маниакального следования безумным идеям, которые в пространстве города, по определению героя «Записок из подполья», «самого отвлеченного и умышленного города на всем земном шаре» [20. Т. 4. С. 455], уже не кажутся дикими и фантастичными. Нельзя здесь не вспомнить рассуждения о петербургском утре Аркадия Долгорукого из романа Ф.М. Достоевского «Подрасток»: «...замечу, что считаю петербургское утро, казалось бы, самое прозаическое на всем земном шаре, – чуть ли не самым фантастическим в мире. <...> В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из “Пиковой дамы” (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип – тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?”» [20. Т. 8. С. 270]. Под воздействие губительных диких идей нередко попадают и герои Н.В. Гоголя. Тема призрачности Петербурга и беспочвенности идей, возникающих под влиянием фантастического города, особенно ярко звучит в поэме Волошина «Россия»:

Я нёс в себе – багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город
<...>

С водой стоячей, вправленной в гранит,
<...>

И с озарённым лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра.
<...>

В болотной мгле клубились ключья **марев:**
Российских дел неизжитые сны... (выделено мной. – А.А.) [4. Т. 1. С. 368].

Идеи классового неравенства, возникшие, по мысли Волошина, искусственно, так как им не было предпосылок на русской почве, являются тем же призрачным болотным маревом, что и идеи, терзавшие петербургских героев русской литературы. Отсюда происходящие в стране события называются им словом гоголевского героя из «Записок-сумасшедшего», заразившегося дикой в своей фантастичности идеей стать испанским королем, – «Мартобря»:

До Мартобря (его предвидел Гоголь)
 В России не было ни буржуа,
 Ни классового пролетариата:
 Была земля, купцы да гольтьба,
 Чиновники, дворяне да крестьяне...
 Да выли ветры, да орал сохой
 Поля доисторический Микула... [4. Т. 1. С. 378].

Призрачные идеи, терзающие плоть России, являются, таким образом, следствием воздействия «горячего и триумфального» города, а с ним вместе и всего петербургского периода русской истории. Петроград, в свою очередь, знаменует период, когда призрачные идеи воплотились, «бесь» обрели плоть и кровь.

Антитеза «Китеж – Петербург / Петроград»

Петрограду, ставшему местом бесовского шабаша, Волошин противопоставляет иное, умопостижимое пространство – Русь как ценность духовную. В 1918 г. в письме к А. Петровой от 10 мая поэт пишет: «Наша физическая земная родина хирургически отделяется сейчас от родины духовной (Святая Русь); но даже изгнание, эмиграция невозможны, потому что России вообще теперь нет. И родина духовная – Русь – Славия – не имеет больше государственного, пространственного выражения. Она для нас остается ценностью духовной, какой в сущности была и раньше» [4. Т. 12. С. 98]. Примечательно, что творческие в стране события Волошин сравнивает с процессом *хирургического* отделения физической родины от духовной, таким образом, действия революционных деятелей своей радикальностью и искусственностью уподобляются действиям Петра, который в стихотворении «Европа» именуется «неистовым Хирургом». Идеалом для М. Волошина является Град Божий, но достижение его возможно лишь «за гранью времен». Образ «Града Божия» в лирике Волошина воплощается в образе града Китежа. В стихотворении «Китеж» (1919) дается обзор русской истории, пути которой, как и в поэме «Россия», осмысливаются как пути революционные, как закономерное движение от революционности самодержавной к революционности народной. Китеж не является здесь олицетворением Древней Руси, в контексте поэмы Русь никогда не была Святой, издревле «усобицы кромсали Русь ножами / Скупые дети Калиты / Неправдами, насильем, грабежами / Ее собирали лоскуты» [4. Т. 1. С. 280]. События революционной действительности не являются чем-то новым, а соотносятся с уже бывшими историческими потрясениями, бунтами, мятежами: «И вырвались со свистом из-под трона / Клубящиеся пламена... / Повоскресали из гробов / Мазепы, Разины и Пугачевы – / Страшилища иных веков» [4. Т. 1. С. 281]. Но этому реальному пространству Руси, где царили бунты, мятежи, было противопоставлено иное, умопостижимое пространство – пространство Китежа.

Сравнение Святой Руси с Китежем вносит тему эсхатологии – конца мира, свидетельствует о том, что обретение ее возможно лишь «за гранью времен». Так, например, в романе П.А. Мельникова-Печерского «В лесах» говорится, что увидеть этот город можно лишь «смертными очима» [21. С. 842]. Китеж – это город, который, согласно легенде, ушел на дно озера Светлояр во времена татаро-монгольского нашествия, чтобы быть сокрытым от врагов. Явлен он будет только лишь в конце времен, во время второго пришествия Христа. Эта старообрядческая легенда о святом граде Китеже кладется в основу стихотворения «Китеж»:

Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
 Народный не уймут костер:
 Они уйдут, спасаясь от пожаров,
 На дно серебряных озер.
 Так, отданная на поток татарам,
 Святая Киевская Русь
 Ушла с земли, прикрывшись Светлояр...
 [4. Т. 1. С. 279]

Предание о Китеже дошло в основном по старообрядческим памятникам XVII в., в которых внимание акцентируется на мотиве конца света и пришествии Антихриста, спасением от которого является святой невидимый «вечно взыскуемый» град, противопоставляемый старообрядцами Петербургу, городу, построенному Петром, которого они считали Антихристом. Отсылкой на старообрядческую легенду в поэме «Китеж» является наименование Петра Антихристом: «Антихрист-Петр распаренную глыбу / Собрал, стянул и раскачал...» [4. Т. 1. С. 280].

Отсюда возникает антитеза «Китеж – Петербург». У Волошина Китежу противопоставлен Петроград – переименованный Петербург, в письме к А.М. Петровой от 9 декабря 1917 г. поэт подчеркивает эту разницу: «Посылаю Вам новые стихи “ПЕТРОГРАД” (именно это опозоренное имя в отличие от Петербурга)...» [4. Т. 10. С. 753]. Смена названия города осмысливается как ритуальное изменение имени, влекущее за собой изменение сущности. Как было отмечено М.Ю. Лотманом и Б.А. Успенским, «объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом... этому может предшествовать перемена имени» [22. С. 439]. Подобно тому как в XVIII в. переименование страны в империю сопровождалось глубоким убеждением в совершенном ее перерождении, а сотворение «“новой” и “золотой” России мыслилось как генеральное переименование – полная смена имен: смена названия государства, перенесение столицы, дарование ей “иноземного” наименования, изменение титула главы государства, названий, чинов и учреждений» [22. С. 447], так и смена названия Петербурга в Петроград ознаменовала начало нового периода, закрепила место описываемых событий в революционной эпохе. По мнению Волошина, «переименование имени было отмечено начало рокового спиритического сеанса». На смену имени города как на причину последовавших после роковых событий указывали многие современники Волошина.

Например, Н.П. Анциферов замечал, что «лишение города векового имени должно было ознаменовать начало новой эры в его развитии, эры полного слияния с когда-то чуждой ему Россией. Оживший Медный Всадник явится на своем “звонко скачущем коне” не во главе победоносных армий своего злосчастного потомка, а впереди народных масс, сокрушающих прошлое и творящих будущее» [23. С. 210–211]. Таким образом, славянизация имени города, по Анциферову, ознаменовала становление Медного всадника во главе стихийной силы народа. Мысль о Петербурге, как чуждом русскому духу городе, и династии Романовых, как воплощении немецкого порядка и железной дисциплины, звучит и в поэме Волошина «Россия» (1924):

Раздерганный и полоумный Павел
Собою открывает целый ряд
Наряженных в мундиры автоматов,
Штампованных по прусским образцам
(Знак: «Made in Germany», клеймо: Романов)
[4. Т. 1. С. 371].

Имперский период российской истории был немислим без «немецкого фактора», славянизация же имени Петербурга будто сокрушила и сам немецкий дух города, строгий и упорядочивающий. Тревожные предчувствия в связи с переименованием города были свойственны многим современникам Волошина. Так, например, А.Н. Бенуа, вспоминая об этом событии как о посягательстве на волю Петра, пренебрежении его завещанием: «Скажу тут же – из всех ошибок “старого” режима в России мне представляется наименее простительной его измена Петербургу. <...> Я даже склонен считать, что все наши беды произошли как бы в наказание за такую измену, за то, что измелчавшие потомки вздумали пренебречь завещанием Петра» [24. С. 8]. Отрицательно к переименованию города отнесся и А.М. Ремизов. Революционный Петроград «Взвиренной Руси» превращается в inferнальное пространство, где, как было замечено А.М. Грачевой, нарушены все былые константы как территории, так и социума. В нем всё и все – бывшие: в магазинах не продают продукты, в парикмахерских не стригут и т.д. Классические топосы Петербурга в Петрограде оборачиваются негативными двойниками былых городских достопримечательностей» [25. С. 225–228].

В неопубликованной при жизни Волошина книге «Неопалимая Купина», куда вошли произведения 1914–1924 гг., складывается пространственная триада, представляющая своего рода хронотоп, который включает три пространства, соотносимые с тремя историческими эпохами: Древняя Русь, Петербург – период «революционного самодержавия» и Петроград – события русской революции, оцениваемой поэтом как «революция снизу». Эти три пространства, сменяющие друг друга в хронологической последовательности, представляют градационный ряд, организованный по принципу отдаления от «Града Божия». Антитеза «Китеж – Петроград» является последующим видоизмененным противопоставлением ряда «Китеж – Петербург», характерным для русской литературы

XIX – начала XX в. В середине XIX в., после «Медного всадника» А.С. Пушкина в русской литературе начинает доминировать темная сторона Петербурга, наиболее ярко проявляющаяся в произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и физиологических очерках. Как замечает К. Бланк, «на этом литературном фоне в середине XIX века в литературных кругах возникает интерес к мифологическому образу Китежа, созданному старообрядцами. Легендарный Китеж становится противоположностью Петербурга. Впервые старообрядческая легенда получает литературную обработку в романах П.И. Мельникова-Печерского. В начале XX в. продолжает доминировать мрачный, мистический, гибельный лик Петербурга, который в творчестве символистов приобретает апокалиптические черты, становится городом призрачным, воздействующим разрушительно. Спасти от его гибельного действия можно лишь убежав в иную реальность. Этой духовной спасительной реальностью становится Китеж, к образу которого обращаются многие поэты и писатели Серебряного века: Д. Мережковский [26. Кн. 2. С. 64–85; Кн. 3. С. 17–34], З. Гиппиус, Н. Клюев, С. Есенин [21. С. 838–844]. Как отмечают исследователи, в литературе Серебряного века легенда о граде Китеже из народного мифа превращается в культурный [27. С. 98; 28. С. 16; 29. С. 247–248], складывается так называемый китежский текст начала XX в., помимо народной легенды вобравший в себя религиозные искания времени и соловьевские идеи о преображении космоса и пространства через индивидуальное преобразование личности. Волошин в лекции «Россия распятая» писал: «Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплоченных мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою веру в конечное преобразование земного царства в церковь, во зыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж – в Град Невидимый, – скрытый от татар, выявленный в озерных отражения Светлояра» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 492]. Таким образом, использование антитезы «Китеж – Петроград» М. Волошиным восходит к традициям русской литературы второй половины XIX – начала XX в.

...Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон! [4. Т. 1. С. 281].

Знаменательна в приведенных строках своеобразная трансформация китежской легенды: город праведников скрыт не на дне озера Светлояр, а на дне души, темная сторона которой, таким образом, уподобляется личине, скрывающей светлый богоподобный лик. Сравнение темной природы человека с «глубинами темных вод» отсылает к поэме Волошина «Святой Серафим», где замечается, что старец видел в человеке сквозь весь слой дорожной пыли «Божий Лик в глубинах темных вод»: «И с души весь слой дорожной пыли / Отряхнет и зеркало протрет, / Чтоб земные души отразили / Божий Лик в глубинах темных вод» [4. Т. 2. С. 115]. Образ гудящего на дне души Китежа

является своего рода парафразом строк, звучащих в начале стихотворения «Китеж»: «Святая Русь покрыта Русью грешной». Таким образом, здесь возникает устойчивый для книги мотив темного плена материи и томящегося в темнице светлого начала, противопоставление Лица и омрачающей его личины, что характерно для мифа о Софии. Итак, перед нами вновь возникает софиологический сюжет о томящейся в плену материи Душе Мира, китежская легенда прочитывается, таким образом, в софийном ключе. Противопоставление плена материи и Души Мира накладывается на классическую для русской литературы антитезу «Китеж – Петербург/Петроград». Петербург предстает здесь как творение злого Демиурга, темница, личина, скрывающая томящийся в глубине светлый Лик.

Образ Китежа как Града Божия, укрытого на дне души человеческой, отсылающий к евангельским словам Христа: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21), раскрывает также космологическое значение человека, через перерождение которого осуществляется перерождение Вселенной. Понимание личного дела человека как общего дела всего мира близко соловьевскому взгляду на то, каким образом должна быть достигнута конечная цель истории – софийное преобразование мира. Наиболее ясно эта мысль философа звучит в работе «Смысл любви»: «Наше перерождение неразрывно связано с перерождением вселенной, с преобразованием ее форм пространства и времени. <...> Наше личное дело, поскольку оно истинно, есть общее дело всего мира – реализация и индивидуализация всеединой идеи и одухотворение материи» [30. С. 540].

Опора на петербургский текст русской литературы в произведениях Волошина несомненна. В изображе-

нии Петербурга как мрачного, демонического, призрачного города, а его создателя – как антихриста и безумного Демиурга, Волошин близок староверческому изводу петербургского текста. В русле этой же старообрядческой традиции закономерным является и обращение к образу Китежа, который понимается Волошиным не как реально-историческое пространство, а как категория духовная. Китеж как категория духовная противопоставляется призрачному и демоническому Петербургу – творению безумного Демиурга, а затем и злему, беснующемуся Петрограду. В изображении темной стороны Петербурга несомненна опора не только на пушкинского «Медного всадника», но и на ряд других текстов XIX в. Туманы, марева, искусственный и умысленный дух Петербурга, призрачные «маниакальные» идеи, заражающие человека, становятся «общим местом» и в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя, и в романах Ф.М. Достоевского, А. Белого и др. При этом установить генетическое преемство с конкретными текстами не представляется возможным, поскольку классические произведения русской литературы, в которых сформировался устойчивый образ Петербурга и его создателя, вводятся как общий фон, воспринимаемый как «единый текст». Как отмечала З.Г. Минц, именно в начале XX в. «пестрое наследие XIX века» было превращено в петербургский текст: «Цитируемый текст должен быть опознан читателем как цитата, но цитата не из определенного текста о Петербурге, а как *из текстовой совокупности*, вновь образуемой символизмом» [31. С. 105]. Основные черты петербургского текста и то, как какое продолжение и историософское значение было им получено в произведениях Волошина, были рассмотрены в настоящей работе.

Примечания

¹ См., например: Гиппократ: страна скифов «расположена под самыми Медведицами и Рипейскими горами, откуда дует северный ветер <...> беспрерывно дуют ветры холодные с севера от снега, льда и многих вод, которые никогда не оставляют гор, вследствие чего последние только с трудом могут быть обитаемы. Густой туман обнимает целый день поля, на которых живут скифы, так что у них почти непрерывная зима, а лето лишь в самые немногие дни и в те не очень жаркое» (Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Избранные книги [пер. с гр. проф. В.И. Руднева]. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936. С. 298).

² Именование «Петроград» восходит к поэме Пушкина «Медный всадник».

Список источников

1. Долгополов Л.К. На рубеже веков. М.: Сов. писатель, 1985.
2. Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб.: Сенат. типограф., 1912. Вып. 1.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1995.
4. Волошин М.А. Собрание сочинений: в 13 т. М.: Эллис Лак, 2003–2015.
5. Петрова Г.В. К анализу стихотворения Волошина «Петербург» (1915) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2012): в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 2: Литературоведение. С. 177–184.
6. Петрова Г.В. Художественные аллюзии в книге стихов М.А. Волошина «Anno mundi ardentis 1915» // Эпоха символизма. Встреча литературы и искусства. М.: Азбуковник, 2016. С. 175–193.
7. Ж. де Местр. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 1998.
8. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Избранные книги [пер. с греч. проф. В.И. Руднева]. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936.
9. Реальный словарь классических древностей. СПб.: Об-во классической филологии и педагогики, 1885.
10. Месяц С.В. Демиург // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 374–376.
11. Димиург // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Петербург, 1893. Т. Ха. С. 617.
12. Ambelain R. La notion gnostique du D miurge dans les Ecritures et les traditions jud ochr tiennes. Paris, 1959.
13. Иванов Вяч.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. 4.
14. Брюсов В.Я. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955.
15. Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов и сонет серебряного века // Europa Orientalis XVIII. 1999. Vol. 2. С. 221–270.
16. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3.
17. Белый А. Петербург // Собрание сочинений: в 6 т. М., 2003. Т. 2.

18. Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб. : Скифия, 2002.
19. Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М. : Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001.
20. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996.
21. Бланк К. Иеротопия сокровенного града: невидимый Китеж, никоновский Новый Иерусалим и петровский парадиз // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М. : Индик, 2009. С. 836–849.
22. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. Избранные труды : в 3 т. М. : Гнозис, 1996. Т. 1. С. 433–459.
23. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1922.
24. Бенуа А.Н. Жизнь художника. Воспоминания : в 2 т. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955.
25. Грачева А.М. Два лика Северной Пальмиры в романе-коллаже А. Ремизова «Взвихренная Русь» // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2012) : в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 2: Литературоведение. С. 225–228.
26. Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль. М., 1907. Год двадцать восьмой. Кн. II: Год двадцать восьмой. С. 64–85. Кн. III. С. 17–34.
27. Карлсон И. Невидимый град: Легенда о граде Китеже и русская литература конца XIX – первой половины XX века. Göteborg : Göteborgs Universitet, 2007.
28. Пашченко М.В. Проблема «китежского текста» и «Инония» Есенина // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 9–58.
29. Кнорре Е.Ю. Образ идеальной революции: «Китежский текст» в творчестве М. Пришвина, С. Есенина, Н. Клюева в период революции и Гражданской войны // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 247–258.
30. Соловьев В.С. Смысл любви // Собрание сочинений : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 493–547.
31. Минц З.Г. Петербургский текст и русский символизм // Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. С. 103–115.

References

1. Dolgoplov, L.K. (1985) *Na rubezhe vekov* [At the turn of the century]. Moscow: Sov. pisatel'.
2. Shmurlo, E.F. (1912) *Petr Velikiy v otsenke sovremennikov i potomstva* [Peter the Great in the assessment of contemporaries and descendants]. Vol. 1. Saint Petersburg: Senat. tipograf.
3. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of the mythopoetic]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress-Kul'tura".
4. Voloshin, M.A. (2003–2015) *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected works: in 13 vols]. Moscow: Ellis Lak.
5. Petrova, G.V. (2013) К анализу стихотворения Voloshina "Peterburg" (1915) [To the analysis of Voloshin's poem "Petersburg" (1915)]. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2012): v 2 ch.* [Print and Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2012): in 2 parts]. Part 2. Saint Petersburg. pp. 177–184.
6. Petrova, G.V. (2016) Khudozhestvennye allyuzii v knige stikhov M.A. Voloshina "Anno mundi ardentis 1915" [Literary allusions in M.A. Voloshin's "Anno mundi ardentis 1915"]. In: *Epokha simvolizma. Vstrecha literatury i iskusstva* [The era of symbolism. The encounter of literature and art]. Moscow: Azbukovnik. pp. 175–193.
7. de Maistre, J. (1998) *Sankt-Peterburgskie vechera* [St. Petersburg Dialogues]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Hippocrates. (1936) O vozdukhakh, vodakh i mestnostyakh [On airs, waters, and places]. In: *Izbrannye knigi* [Selected books]. Translated from Greek by V.I. Rudnev. Moscow: Gos. izd-vo biol. i med. lit.
9. Anon. (1885) *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey* [Real dictionary of classical antiquities]. Saint Petersburg: Ob-vo klassicheskoy filologii i pedagogiki.
10. Mesyats, S.V. (2007) Demiurg [Demiurge]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XIV. Moscow. pp. 374–376.
11. Brockhaus, F. & Efron, I.A. (1893) Dimiurg [Demiurge]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Peterburg: Brokgauz i Efron. T. Xa. p. 617.
12. Ambelain, R. (1959) *La notion gnostique du Demiurge dans les Ecritures et les traditions judéo-chrétiennes*. Paris.
13. Ivanov, Vyach.I. (1987) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 4. Brussels.
14. Bryusov, V.Ya. (1955) *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit.
15. Shishkin, A.B. (1999) Vyacheslav Ivanov i sonet serebryanogo veka [Vyacheslav Ivanov and the Sonnet of the Silver Age]. *Europa Orientalis XVIII*. 2. pp. 221–270.
16. Pushkin, A.S. (1960) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 3. Moscow: GIKhL.
17. Bely, A. (2004) Peterburg [Petersburg]. In: *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 2. Moscow.
18. Al'mi, I.L. (2002) *O poezii i proze* [On poetry and prose]. Saint Petersburg: Skifiya.
19. Nepomnyashchiy, V.S. (2001) *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We]. Moscow: Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy velikoy knyagini Elizavety.
20. Dostoevskiy, F.M. (1988–1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols]. Leningrad: Nauka.
21. Blank, K. (2009) Ierotopiya sokrovennogo grada: nevidimyy Kitezh, nikonovskiy Novyy Ierusalim i petrovskiy paradiz [Hierotopia of the Secret City: The Invisible Kitezh, Nikon's New Jerusalem and Peter's Paradise]. In: *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik, 2009. pp. 836–849.
22. Uspenskiy, B.A. & Lotman, Yu.M. (1996) Mif – imya – kul'tura [Myth – name – culture]. In: Uspenskiy, B.A. *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Izbrannye trudy: v 3 t.* [Semiotics of history. Semiotics of culture. Selected works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Gnozis. pp. 433–459.
23. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Saint Petersburg: Brokgauz-Efron.
24. Benois, A.N. (1955) *Zhizn' khudozhnika. Vospominaniya: v 2 t.* [Artist's life. Memories: in 2 volumes]. NY: Izd-vo imeni Chekhova.
25. Gracheva, A.M. (2013) Dva lika Severnoy Pal'miry v romane-kollazhe A. Remizova "Vzvikhennaya Rus'" [Two faces of Northern Palmyra in A. Remizov's novel-collage Russia in the Whirlwind]. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2012): v 2 ch.* [Print and Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2012): in 2 parts]. Part 2. Saint Petersburg. pp. 225–228.
26. Merezkovskiy, D.S. (1907) Revolyutsiya i religiya [Revolution and Religion]. *Russkaya mysl'*. II. pp. 64–85; III. pp. 17–34.
27. Carlson, I. (2007) *Nevidimyy grad: Legenda o grade Kiteze i russkaya literatura kontsa XIX – pervoy poloviny XX veka* [The Invisible City: The Legend of the City of Kitezh and Russian Literature of the Late 19th – First Half of the 20th Century]. Göteborg: Göteborgs Universitet.
28. Pashchenko, M.V. (2011) Problema "kitezhskogo teksta" i "Inoniya" Eсенина [The problem of the "Kitezh text" and Yesenin's "Inonia"]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 9–58.
29. Knorre, E.Yu. (2017) *Obraz ideal'noy revolyutsii: "Kitezhskiy tekst" v tvorchestve M. Prishvina, S. Eсенина, N. Klyueva v period revolyutsii i Grazhdanskoй voyny* [The image of the ideal revolution: "Kitezh text" in the works of M. Prishvin, S. Yesenin, N. Klyuev during the revolution and the Civil War]. In: *Perelom 1917 goda: revolyutsionnyy kontekst russkoy literatury. Issledovaniya i materialy* [Fracture of 1917: the revolutionary context of Russian literature]. Moscow: IWL RAS. pp. 247–258.

30. Solov'ev, V.S. (1988) Smysl lyubvi [The meaning of love]. In: *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols]. Moscow: Mysl', 1988. T. 2. pp. 493–547.
31. Mints, Z.G. (2004) Peterburgskiy tekst i russkiy simbolizm [Petersburg Text and Russian Symbolism]. In: *Poetika russkogo simbolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 103–115.

Информация об авторе:

Аристова (Тинникова) А.С. – канд. филол. наук, научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва, Россия). E-mail: atinnikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Aristova (Tinnikova), Cand. Sci. (Philology), researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: atinnikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2019;
одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.*

*The article was submitted 01.03.2019;
approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.*